

Эту поистине уникальную часть дружининского собрания, в отличие от рукописей и книг, переданных самим собирателем в библиотеку Академии наук,⁴ постигла печальная участь. Она распылилась. Ее предметы случайно оказались в разных хранилищах и в частных руках, попали за границу и требуют идентификации.

Из всех видов выговского художественного мастерства особым пристрастием у В. Г. Дружинина пользовалось медное литье, которое составило специальный предмет его многолетних ученых занятий. Коллекция медной пластики насчитывала более 800 памятников⁵ и представляла наиболее ценную часть собрания. Она пострадала в меньшей степени. Ядро коллекции сохранилось и находится теперь в Государственном Эрмитаже.⁶

Накопившийся материал по медному литью привел ученого к мысли о необходимости его систематизации и обследования. В поисках научной консультации он обратился в 1907 г. к археологам Русского музея в Петербурге и Исторического музея в Москве, но безуспешно. Знаменателен сам ответ, который получил В. Г. Дружинин в Историческом музее: «У нас есть до 30 пудов разных медных створов, крестов и других предметов, но они не разобраны, а специалистов нет. Вы дайте нам схему для исследования, а мы дать Вам руководства не можем».⁷ Ответ тогдашнего помощника директора — известного нумизмата и археолога А. В. Орешникова как нельзя лучше характеризовал то состояние, в котором находилось изучение позднего медного литья. И тем рельефней выступает значение работы, проделанной В. Г. Дружининым. «Пришлось разрабатывать материал самостоятельно, — пишет ученый, — что я и сделал».⁸ На создание труда по медной пластике Поморья ушло 6 лет.

В конце XIX—начале XX в. в России создавался ряд научных обществ по изучению русской словесности и искусства. Среди них функционировал так называемый Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русском иконописании. Основанный в 1901 г. по инициативе графа С. Д. Шереметева и академика Н. П. Кондакова,⁹ он работал в Петербурге и располагался в доме № 27 по Надеждинской улице (ныне ул. Маяковского) в бывшей квартире Гильдебрандта. Председательствовал С. Д. Шереметев. Н. П. Кондаков был его ближайшим помощником. Членство образовали представители некоторых ведомств — Министерства финансов, Академии художеств, Синода, Министерства народного просвещения — и лица, особо назначенные графом. В. Г. Дружинин вошел в состав Комитета от Археографической комиссии.¹⁰ Обязанности секретаря (делопроизводителя) долгое время исполнял «особо назначенный» В. Т. Георгиевский,¹¹ затем его место занял К. К. Романов. «При нем, — пишет В. Г. Дружинин, — предложил я Комитету издать мое исследование о поморском медном литье».¹²

11 декабря 1913 г. на очередном заседании Редакционной комиссии Комитета «В. Г. Дружинин ознакомил Собрание с содержанием составленного им исследования о крестах, створах и иконах, которые отлива-

⁴ См.: Б у б н о в Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 113—125.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 221 об.

⁶ См.: П о н ы р к о Н. В. Федор Антонович Каликин... С. 448—449.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 221 об.—222.

⁸ Там же, л. 222.

⁹ См.: НА ГРМ, Ведомственный архив... д. 168, л. 5, 14, 73; ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 209 об., 210.

¹⁰ См.: ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 210, 210 об., 211 об.

¹¹ Там же, л. 216. — В. Г. Дружинин в своих «Воспоминаниях» иногда называет Комитет попечительства о русском иконописании Георгиевским комитетом (см.: Б у б н о в Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция... С. 125). Объяснений такого наименования он нигде не приводит. Остается лишь догадываться, что Комитет неофициально называли так по фамилии его делопроизводителя В. Т. Георгиевского.

¹² ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 220 об.